

Л.Е. Владимиров

Суд присяжных

**Условия действия института
присяжных и метод разработки
доказательств**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В57

В57 **Владимиров Л.Е.**
Суд присяжных: Условия действия института присяжных и метод разработки доказательств / Л.Е. Владимиров – М.: Книга по Требованию, 2012. – 266 с.

ISBN 978-5-458-10121-9

ISBN 978-5-458-10121-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая книга есть переработка сочиненія моего, написаннаго во время пребыванія за границею, въ 1871 и 72 гг., и помѣщеннаго въ *Revue de droit international et de législation comparée* за тѣ годы, подъ названіемъ — «*Étude sur l'institution du jury en Russie*». Доброжелательный приѣмъ, оказанный работѣ моей, въ западной литературѣ, подаль мнѣ мысль, что, дополненная и измѣненная согласно потребностямъ нашей публики, она не окажется лишнею и у насъ. Принимаясь за переработку, я, впрочемъ, не думалъ, что нужно будетъ произвестъ такую ломку, какую на самомъ дѣлѣ пришлось сдѣлать. За нѣкоторыми исключеніями, основныя идеи остались тѣ-же, но въ подробностяхъ я совершенно отступилъ отъ первоначальнаго плана и, кромѣ того, внесъ совершенно новую главу о правовыхъ и моральныхъ условіяхъ общества, необходимыхъ для правильнаго дѣйствія института присяжныхъ. Еще до приговора критики, я почти не сомнѣваюсь, что въ главѣ этой есть нѣкоторыя увлеченія. Но читатель, быть можетъ, отнесется въ нимъ съ нѣкоторымъ снисхожденіемъ, если узнаетъ, что она написана была вскорѣ по возвращеніи изъ-за границы, гдѣ я провелъ около двухъ съ по-

ловиною лѣтъ. Контрастъ между западнымъ обществомъ и нашимъ слишкомъ великъ и ярокъ, чтобы не оказать сильнаго вліянія на ученую работу, имѣющую предметомъ не догматику, а общественныя учрежденія, — вопросы, полныя жизни и содержания. Но если я не избѣжалъ увлеченій, то я избѣжалъ большаго зла: неискренности и уклончивости. Въ наукахъ политическихъ и юридическихъ, не тотъ исполняетъ свою обязанность, кто умѣетъ « мудро помолчать » въ такое время, когда слѣдуетъ говорить, а кто рѣшается въ нужную минуту сказать прямое слово, хотя бы оно было и непріятно для общества. Наука — не дипломатическое искусство, и откровенная рѣчь здѣсь имѣетъ больше значенія, чѣмъ « тактичное » молчаніе. Цѣль науки — истина; стремясь къ ней, можно, по-временамъ, впадать въ заблужденія; но къ наукѣ не должны имѣть примѣненія аксіомы житейскаго *savoir faire*.

Кто изучалъ институтъ присяжныхъ на западѣ, долженъ былъ выработать убѣжденіе, что это — лучшая форма суда, каковая только можетъ быть указана въ исторіи. Значеніе этого учрежденія для Россіи громаднo. Современное наше общество едва ли даже въ состояніи понять тотъ громаднѣйшій шагъ къ прогрессу, который оно сдѣлало съ того момента, какъ стало активно участвовать въ отправленіи уголовнаго правосудія. Едва ли оно также въ состояніи понять, какъ тщательно слѣдуетъ беречь это драгоцѣнное учрежденіе, полное и нормальное развитіе котораго, впрочемъ, увидать только грядущія поколѣнія. И только будущему историку нашего времени вполне ясно станетъ, что періодъ истинной общественной дѣятельности начался

въ Россіи съ тѣхъ поръ, какъ завелась въ ней скамья присяжныхъ засѣдателей.

Если общество нравственно обязано беречь свое молодое учрежденіе, то и правительство, которому принадлежит великая честь введенія его у насъ, должно твердо держаться разъ принятаго намѣренія — привить къ русскому обществу институтъ, на вѣковомъ опытѣ показавшій свои великія достоинства. Пусть не смущается законодательство наше тѣмъ, что Германія, по-видимому, хочеть отказаться отъ института присяжныхъ. Германія дѣйствуетъ теперь подъ сильнымъ вліяніемъ утрированнаго чувства патріотизма, который, оказавъ ей услуги въ войнѣ съ несчастною, но все-таки великою Франціею, начинаетъ теперь уже вредить ея политическому и общественному прогрессу. Институтъ присяжныхъ уже потому не можетъ быть милъ Германіи, что онъ достался ей отъ Франціи. Германія хочеть возстановить древнее учрежденіе шеффеновъ, забывая, что мертвые не воскресаютъ. Пусть же Германія поднимаетъ своихъ мертвецовъ; пусть она ихъ подбѣливаетъ и поддурманиваетъ; пусть ея писатели самымъ туманнымъ и самымъ неосновательнымъ образомъ доказываютъ, что мертвецы годнѣе для жизни, чѣмъ живые. Пусть Германія продолжаетъ свою войну съ Франціею, вырывая изъ собственной своей жизни лучшія учрежденія, по тому только, что они были популяризованы и распространены въ Европѣ талантливымъ противникомъ. Россіи нечего жить чужимъ умомъ, и ей, молодой, не имѣющей на своихъ плечахъ историческаго бремени археологическихъ шеффеновъ, нѣтъ основанія подражать

патріотическимъ экспериментамъ Германіи. Россіи нужны учрежденія, на опытѣ показавшія свои достоинства. Законодательству нашему слѣдуетъ крѣпко держаться тѣхъ реформъ, изъза которыхъ оно, въ послѣднее время, получило такую громкую популярность на западѣ, а западу, какъ опытному наблюдателю, виднѣе, идетъ ли Россія къ прогрессу, или нѣтъ? Стоитъ только сказать на западѣ, что у насъ введенъ судъ присяжныхъ, чтобы тотчасъ-же услышать слово сочувствія и поздравленіе съ чѣмъ-то очень страднымъ и подающимъ великія надежды.

Предлагаемая книга имѣетъ въ виду указать на нѣкоторыя преобразованія, которыя были бы полезны для нашего суда присяжныхъ. Важныя по измѣненіямъ, которыя они должны внести въ кодексъ судопроизводства, они могутъ имѣть великое значеніе для нашихъ присяжныхъ: мы убѣждены, что они избавили бы нашу юстицію отъ многихъ подводныхъ камней. Правда, рекомендуемая нами преобразованія основаны на началахъ англійскаго судопроизводства. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что англійскій образецъ долженъ быть руководящимъ для всякаго законодателя, искренно желающаго обезпечить правосудіе страны. Для тѣхъ же, кому нужны только декорумы, безъ содержанія, англійскій образецъ, дѣйствительно, неудобенъ. — Настоящій трудъ обнимаетъ только нѣсколько вопросовъ изъ судопроизводства предъ присяжными. Однако, не смотря на это, онъ составляетъ совершенно законченное цѣлое, посвященное изслѣдованію вопроса о разработкѣ доказательствъ на судѣ присяжныхъ. Смѣю думать, что вопросъ этотъ составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ

въ теоріи судопроизводства. Цѣль уголовного суда, прежде всего, заключается въ открытіи истины. Истина добывается путемъ изслѣдованія доказательствъ. Это изслѣдованіе должно быть организовано такимъ образомъ, чтобы присяжнымъ возможно было составить полное и правильное убѣжденіе о дѣлѣ. Указать приемы изслѣдованія, наиболѣе обезпечивающіе открытіе истины на судѣ, — такова цѣль настоящаго сочиненія. Такимъ образомъ, оно обнимаетъ судебное слѣдствіе и, если касается вопроса о числѣ голосовъ, необходимыхъ для вердикта, то потому только, что правила объ этомъ оказываютъ громадное вліяніе на самое изслѣдованіе судебно-уголовной достовѣрности. Въ сочиненіи нѣтъ ничего о постановкѣ вопросовъ присяжнымъ засѣдателямъ. Это можетъ составить предметъ особеннаго трактата. Если время и занятія позволятъ, я, конечно, займусь изслѣдованіемъ и этой части судопроизводства. Замѣчу, однако, что я не придаю ей такого большаго значенія, какое ей приписано было въ нѣмецкой литературѣ. Постановка вопросовъ присяжнымъ, конечно, порождаетъ иногда затрудненія. Но послѣднія не столько зависятъ отъ сущности самаго дѣла, сколько отъ промаховъ лицъ, ставящихъ вопросы присяжнымъ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что сочиненіе это, составляющее, въ литературѣ нашей, первый, по времени, опытъ о судѣ присяжныхъ¹, является, къ сожалѣнію, въ такое время, когда

---

¹ Почтенные и полезные труды гг. Чебышева-Дмитріева, К. Арсеньева и Буцковскаго посвящены догматической обработкѣ нашего Устава уг. судопроизводства.

больше всего можно опасаться за будущность нашего новаго, еще не окрѣпшаго суда: Пусть же оно послужитъ если не рѣшеніемъ затронутыхъ вопросовъ, то, по крайней мѣрѣ, поводомъ для всесторонняго и безпристрастнаго ихъ обсужденія въ нашей прессѣ. Не дѣлая упрековъ послѣдней, замѣтимъ, что она мало занимается вопросомъ о судѣ присяжныхъ. Объ этомъ учрежденіи слѣдуетъ писать часто, писать подробно, писать безпристрастно. Писать статьи о «громкихъ процессахъ» не значитъ писать о судѣ. Обязанность прессы — распространять въ публикѣ, путемъ популярныхъ статей, правильныя идеи о судѣ присяжныхъ. Ученые трактаты, какъ бы популярно ни были они написаны, не могутъ надѣяться на большое обращеніе въ публикѣ. Только пресса имѣетъ возможность пропагандировать.

МОРАЛЬНЫЯ И ПРАВОВЫЯ УСЛОВІЯ ОБЩЕСТВА,
необходимыя для суда присяжныхъ.

I.

«Il faut expliquer les choses par l'homme et non l'homme par les choses». Saint-Martin (ср. *Jules Simon, Le devoir*, 1869, p. 1).

«Нужно объяснять вещи человѣкомъ, а не человѣка— вещами».

Всякое учрежденіе, въ сферѣ политической и общественной, является такимъ, какимъ его сдѣлала среда, въ которой оно дѣйствуетъ. Это положеніе можетъ быть названо одною изъ немногихъ аксіомъ, до которыхъ доработалось современное ученіе объ обществѣ и государствѣ. На первый взглядъ оно представляется обиходною идеей, о которой и не стоитъ долго размышлять. Въ самомъ дѣлѣ, кто съ нею незнакомъ? Въ настоящее время скоропечатнаго ораторства, кто изъ труженниковъ языка не бросалъ ее въ рѣчи, такъ, для украшенія, на-вѣтеръ? Въ настоящее время журнальнаго многописанія, и, замѣтимъ, многописанія — не отъ полноты знанія, какой цеховой писатель не заносилъ ее въ свою статейку, написанную по поводу статьи, составленной по поводу вышедшей книги? Словомъ, у насъ, въ нашемъ обществѣ, куда доходятъ изъ Европы идеи безъ ихъ живаго, конкретнаго содержанія, въ видѣ пустыхъ тюковъ, кто, выражаясь языкомъ нашей фізіологической белле-

тристики, не переработалъ ее въ своемъ мозгу? И, однако, не смотря на все это, не смотря на общезвѣстность этой идеи, не только отдѣльныя личности, но, по-временамъ, и цѣлые классы людей вѣрятъ, что существуютъ учрежденія, которыя могутъ правильно дѣйствовать въ какой угодно средѣ,—что стоитъ только дать народу извѣстный институтъ и онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сразу, по мановенію жезла, пріобрѣтетъ и тѣ принципы, и тѣ нравственныя привычки, которыя безусловно необходимы для того, чтобы тотъ институтъ жилъ и процвѣталъ, а не прозябалъ и страдалъ. Такое теоретическое вѣрваніе указываетъ на историческую неопытность, на политическую неразвитость и на страшное непониманіе весьма простаго положенія, что юридическія и политическія учрежденія не желѣзныя дороги, могущія дѣйствовать съ успѣхомъ и въ Японіи, а *формы общественной дѣятельности, отправляемой людьми извѣстной страны, извѣстнаго умственного и нравственнаго уровня и извѣстнаго историческаго момента.* Каковы люди, таковы будутъ и учрежденія. «Никогда не нужно забывать, замѣчаетъ Спенсеръ (Social Statics, p. 288), что учрежденія состоятъ изъ людей». Колеса, винты и всѣ другія составныя въ нихъ части—люди. Эти люди представляютъ ихъ матеріаломъ. Прочность же машины опредѣляется не устройствомъ ея, а крѣпостью того, изъ чего она сдѣлана. Всякое учрежденіе отвѣчаетъ извѣстной потребности; эта потребность основана на какой-нибудь идеѣ; эта идея должна быть для людей не только теоріей, но и практикой: она должна быть моментомъ въ ихъ міросозерцаніи, должна быть согласна съ общимъ строемъ ихъ убѣжденій, съ ихъ умственными и нравственными привычками. Многія учрежденія, для своего процвѣтанія, требуютъ не столько идеи, сколько извѣстнаго чувства. Индивидуальная свобода, на примѣръ, имѣетъ, конечно, въ своемъ основаніи опредѣленную идею, которая мо-

жетъ быть анализирована, но она устанавливается въ обществѣ не вслѣдствіе сознанія ея пользы, но вслѣдствіе развившагося *чувства личности*, говорящаго англичанину или французу такъ сильно, что онъ готовъ пожертвовать всѣми своими интересами ради неприкосновенности своего *я*. И человекъ востока, человекъ деспотіи, тоже способенъ понять и анализировать идею индивидуальной свободы, но онъ не имѣетъ того чувства, на которомъ она основана и безъ котораго она не можетъ получить практическаго примѣненія въ обществѣ.—Эта связь учреждений извѣстнаго народа съ умственными и нравственными его состояніемъ показываетъ, что всякій народъ имѣетъ тѣ только учрежденія, которыя отвѣчаютъ его характеру. Вы можете ввести у него совершенно чуждые ему институты, институты самой лучшей организаціи, но въ короткое время онъ ихъ переработаетъ на свой ладъ, дастъ имъ свой отпечатокъ. Это, конечно, потому, что онъ самъ дѣйствуетъ въ нихъ, что онъ самъ дѣлаетъ ихъ на практикѣ. Если учрежденіе требуетъ такой степени нравственной силы, какой народъ не имѣетъ, то она и не будетъ дана: первое напряженіе этой силы, какъ первый порывъ вообще, скоро пройдетъ и оставитъ послѣ себя слабость, которая будетъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ неестественнѣе было первое усиліе ¹. Скоро учрежденіе станетъ въ уровень съ моральнымъ состояніемъ народа и, на-видъ иностранное, оно по существу сдѣлается народнымъ, т. е. будетъ имѣть тотъ характеръ, какой имѣютъ всѣ вообще учрежденія въ извѣстномъ государствѣ. Всякій народъ, такимъ образомъ, отвѣчаетъ за свои учрежденія, какъ каждый человекъ за свои

---

¹ Или какъ Спенсеръ замѣчаетъ (ib. 289), говоря о такомъ напряженіи: «всегда въ такомъ случаѣ будетъ *линія крайняго сопротивленія* (line of last resistance)», дальше которой данные люди не въ состояніи будутъ идти.

пестуемы. Раздѣленіе народовъ по ихъ учрежденіямъ, напри-
мѣръ, по формамъ правительствъ, етъ группировка въ высшей
степени неправильная. Нѣтъ правительствъ свободныхъ и пра-
вительствъ деспотическихъ, а есть народы свободные и наро-
ды деспотическіе. Приглядитесь къ народу свободному, и вы
замѣтите, что онъ свободенъ во всѣхъ своихъ сферахъ, что
прежде всего самъ человѣкъ имѣетъ чувство свободы, потреб-
ность въ ней; напротивъ, у народа деспотическаго все неспо-
бодно, и турецкій гаремъ такъ-же характеристиченъ для по-
литическаго состоянія Турціи, какъ ея правительство, адми-
нистрація и юстиція. Словомъ, чѣмъ больше приходится изу-
чать жизнь различныхъ народовъ, тѣмъ больше приходится при-
знать, что истиннымъ показателемъ страны, ея политическихъ
и моральныхъ условий, есть человѣкъ съ его идеями, нрав-
ственнымъ міросозерцаніемъ и характеромъ, и выраженіе Тэна
(Notes sur l'Angleterre, 1872, p. 51): «au fond, l'essentiel
dans un pays, c'est l'homme»¹, по простотѣ и ясности своей,
показываетъ, что онъ глубоко проникъ въ сущность полити-
ческой и общественной жизни человѣчества. Принимаясь за
изученіе этой жизни, неопытный наблюдатель бросается пре-
жде всего на ви́шнія проявленія ея, на учрежденія, даже на
статистику. Но опытный изслѣдователь начинаетъ съ главнаго
источника, съ человѣка. Его-то онъ главнымъ образомъ зон-
дируетъ, его-то главнымъ образомъ онъ наблюдаетъ и выслу-
шиваетъ, а только такимъ путемъ можно поставитъ вѣрное
опредѣленіе.—Изъ всего сказаннаго ясно, что, при изслѣдо-
ваніи учреждений политическихъ и юридическихъ, изуче-
ніе слѣдуетъ прежде всего направить на идеи, составляю-
щія ихъ атмосферу у даннаго народа. Учрежденія слѣдуетъ
изучать въ ихъ живой обстановкѣ. Всякій народъ имѣетъ из-

---

¹ «Въ сущности, самое главное въ странѣ, это—человѣкъ».